

Отставник — потенциальный тесть, срочно спланировал и отправил дочу, поступать в ВУС к своим родственникам проживающих, во Владивостоке Естественно я ни о чём не знал и не догадывался, даже каких-то предчувствий, нет, ничего не было. Мы виделись с моей озорницей мимолётом пару раз до её отъезда. Ни слова, ни намёка, что, что-то её тревожит, что — то не так. Записка (кувалда по голове), переданная её подругой Катей, гласила, — «Прости, я поняла, что не люблю тебя, не хочу, тебя обманывать, ко мне вернулась моя старая — настоящая любовь и т. д. и т. п. — ПРОЩАЙ!!!». — Ваааль не пе-ре-жи-вай, ты, так, — глядя на меня, побледневшего, поникшим голосом протянула Катя. — Был, да и есть у неё парень, в военном училище города Владивосток он учится. Переписывалась она с ним постоянно. Я думаю, и без проделок папы тут не обошлось, ЕМУ с перспективой мужа для доченьки подавай, а ты просто... мл. сержант, для них ты «никто», не той вылечены, не того «калибра». — Дааа, не моё и не для меня... , — пробормотал я с запиской в руках, в полнейшем ступоре, побрёл в свою родную воинскую часть. Выяснить с несостоявшимися родственниками, что к чему, зачем и почему я не стал. Смысл?

Отдав свой конституционный долг Родине, я вернулся в родной город, отчий дом. Год, как ранее упоминал, занимался на подготовительных курсах для поступления в ВУС. Решил для себя получить высшее образование, стать «ВЕЛИЧИНОЙ!» в этой жизни, хотя бы для себя. Параллельно подрабатывал, где придётся. Бог любит троицу. В начале 3 курса у меня завязались дружба и отношения с студентом пред выпускного курса медицинского института Аллой, которая помогала мне по ряду предметов обучения, которые мне давались с трудом, а так же ухаживать за матерью в связи с её болезнями, проявляющимися из — за возраста. Врачей мать просто не переваривала, на моей памяти к ним не обращалась, а вот помощь Аллы приняла. С Аллой, мы сблизилась, когда мама ездила на несколько дней, к дочке, старшей моей сестре, проживающей в частном секторе пригорода. Сексом занимались у меня дома и в общежитии, когда у Аллы соседка по комнате уезжала домой.

Алла родом была из посёлка городского типа 350—370 км от нашего города. Наблюдая за вялотекущим развитием нашего романа, от материнских глаз такого не утаишь, задерживаясь до позднего времени у нас, а иногда Алла оставалась у нас с ночёвкой, мать предложила ей жить у нас в квартире. — Алла, зачем тебе тратится на общежитие, бегать туда — сюда? В нашей, трёх комнатной, места более чем предостаточно! Маленькая комната в твоём, распоряжении. Ты уже как член семьи стала, дай бог, тебе здоровья, за твою помощь! Нас ты не стеснишь, особенно «ухажёра» своего. Помощница мне и контроль за вами «малыми» деточками, а вам за мной не помешает, а там глядишь, всяко может быть и... породнимся, — с поддёвочной говорила мать. — Спасибо, но я останусь в общежитии. Начнутся разговоры, сплетни от подруг. Все-му своё время, насчёт, последнего спешить и загадывать... , — засмутившись, улыбаясь, посмотрев ласково на меня, ответила Алла.

— Да ладно!... Вам, решать!... Я же не слепая, в прятки они играют... — не унималась мама. Состояние матери начало ухудшаться неожиданно очень резко. По совету врачей, я отпрашиваясь в институте, рванул в Москву с матерью на обследование. У Аллы в Москве жили дальние родственники, благодаря которым мы быстро посетили все необходимые медицинские учреждения. Результаты анализов были не утешительны, просто страшные!

Лейкемия в прогрессирующей форме, плюс обострение старых болезней, которые лечила она самостоятельно. Пытались вместе с врачами уговорить её лечь в больницу. Стали на учёт, для проведения необходимой операции.

— Если умирать так дома, на родной кровати! — был её ответ. Вернулись домой. С каждой неделей становилось всё хуже и хуже. Моя сестра практически находилась и жила у нас, ухаживая за матерью, уезжая к семье на 1—2 дня. Мы с Аллой тоже крутились как белки в колесе институт — дом — процедуры в больнице. Помощь Аллы была просто огромна, как физическая, так и моральная. Поддержка во всём как матери, так и меня была постоянна. Мать перестала называть её по имени, обращалась просто «дочка». Мне пришла в голову мысль, что как только матери станет хотя бы чуть-чуть получше, полегче, сделаю Алле предложение. Через месяц я почувствовал охлаждение к себе со стороны Аллы, к матери она относилась без изменений, даже заботливее, оставалась на ночь в случае необходимости. Моё внимание к ней, она стала игнорировать! В такой обстановке я не предал особого значения тому, что в один из дней Алла пришла с парнем.

— Знакомьтесь, это Андрей, мой старый хороший знакомый, — представила Алла, его, нам всем. В ходе нашего с ним знакомства и разговора выяснилось, что Андрюха был в Афгане. Получил тяжёлое ранение. Не мог говорить, из-за ранений и травм рук не мог писать. 2 года врачи его возвращали к жизни, лечили, ещё год реабилитации. Внешне ничего не выдавало его ранение. Речь чёткая, иногда, особенно когда начинал нервничать, лёгкое малозаметное заикание и естественно шрамы кистей рук. В разговоре выяснилось, что в бою погиб комбат, у которого я начинал свою службу. В ходе нашего разговора, глядя на нас, Алла просто светила от счастья. Я на это, не обратил, внимание, а сестра мимоходом прошептала:

— Валя, мне кажется, ты её теряешь,

— Не мели чепухи, — парировал я. В нашем городе Андрей был проездом, привёз вещи погибшего товарища, его близким. В поисках его родителей, случайно встретил Аллу, которая и помогла их найти.

— Да, наша, Аллочка, хорошая, добрая девочка, всем помогает. Светлый человек! Нам с ней очень повезло! — тяжело, с теплотой, проговорила мать, обращаясь к Андрею.

— А вы откуда знаете, друг друга? — неожиданно для всех спросила мать.

— Мы учились в одной школе, она моя первая любовь, тётъ Наташ, — прозвучал, неожиданно, как-то игриво ответ Андрея. — Школьная любовь! Это сила! Я всегда вспоминаю её с улыбкой. Никчемная она, баловство! — ослабевшая мать завершила свой диалог с Андреем.